

В усадьбе Цзян Шэнь Сьюань, которого Цзян Сяо усердно подсаживал, удерживая на собственных плечах, изо всех сил цеплялся за верхушку стены и яростно ругался:

— Цзян Хэй, ты совсем с ума сошел? Какого черта мы лезем через стену, когда есть парадные ворота?!

Сьюань и подумать не мог, что этот недоумок Цзян Сяохэй заставит его лезть через забор. Затекие руки, которыми он судорожно цеплялся за каменную кладку, ныли от невыносимой боли, и больше всего на свете юноше сейчас хотелось изо всей силы наступить на глупую макушку приятеля.

Обливающийся потом Цзян Сяо лишь глуповато ухмыльнулся. Напрягшись всем телом, он резко подтолкнул Сьюаня вверх, заставив того испуганно пискнуть, и помог усесться на ограде. Сам же отступил на пару шагов назад, разбежался, легко взлетел по стене и устроился рядом.

— Если отец узнает, что я тайком сбежал, он с меня три шкуры спустит! — Цзян Сяо прыгнул вниз и раскинул руки. — Ну же, прыгай быстрее, я поймаю!

Сьюань лишь скептически скривился. Так этот олух действительно удрал без спросу. Глядя, как Цзян Сяо ловко приземлился на ноги, он невольно позавидовал его богатырскому здоровью. Крепкое телосложение — то, чем самого Сьюаня природа обделила.

Вдвоем они пробрались во двор к старому лекарю. Тот отдыхал в тени раскидистого дерева, спасаясь от зноя, а у его ног примостился небольшой глиняный кувшин густого коричневого цвета.

— Охохо, молодой господин... — прошамкал старик. — Где на этот раз умудрились расшибиться?

Одет старый Чжан был в поношенный, выцветший халат, едва прикрывавший впалую грудь с сухой, покрасневшей от солнца кожей.

Цзян Сяо неожиданно смутился и густо покраснел. Потянув Сьюаня за собой, он неловко пробормотал:

— Дедушка Чжан, со мной все в порядке. Это... Сьюаню нездоровится. Осмотрите его, пожалуйста.

Старик прищурился. Цзян Сяо тут же сжался, словно мышь перед сытым котом, замялся и поспешил укрыться за спиной Сьюаня — только бы дедушка не учуял запах вина!

Сьюань выдал из себя вежливый поклон и украдкой оглядел старика. Он ожидал увидеть прославленного целителя величественным старцем, похожим на сошедшего с небес небожителя. Однако реальность оказалась куда прозаичнее: перед ним сидел сухопарый, почерневший от загара дед, которого, казалось, любой мало-мальски сильный порыв ветра мог унести в поднебесье.

И все же именно этому человеку суждено было вскоре прогреметь на всю столицу своим великим искусством врачевания.

— Наш юный господин привел гостя? — лекарь удивленно покачал головой. — Надо же, какая редкая удача. И до чего же миловидный юноша... Коли не приглядываться, за девуцу принять можно.

У Цзян Сяо внутри все похолодело. Он прекрасно знал, как Сьюань ярится, когда его путают с девуцей, а потому поспешил вмешаться:

— Дедушка Чжан, это Шэнь Сьюань, второй молодой господин из поместья премьер-министра! Никакая он не девица!

Старик даже ухом не повел, услышав о высоком происхождении гостя. Он лишь скользнул по Сьюаню внимательным взглядом и небрежно заметил:

— В груди у тебя, малец, бушует избыточный жар. С этим шутить не стоит, поберегся бы.

Намек на женственность изрядно раздосадовал Сьюаня, но в чужом доме приходилось сдерживаться, отчего на душе стало совсем тошно. Впрочем, слова лекаря заставили его мигом позабыть об обиде.

— В последнее время... — осторожно начал Сьюань, прощупывая почву, — я и впрямь частенько теряю самообладание. Все вокруг раздражает, дышать тяжело...

— Боюсь, это длится куда дольше, чем «в последнее время», верно? — прищурился старик.

Сьюань замер и с трудом сглотнул слюну. А лекарь-то действительно не промах: одного взгляда хватило, чтобы распознать недуг. И ведь чистая правда — раздражительность мучила его так давно, что Сьюань и сам уже не помнил, когда это началось.

Старый Чжан молча вглядывался в его лицо, а затем покачал головой:

— Дам тебе совет, отрок. Чрезмерное укрепление тела идет лишь во вред. Твоя плоть пересыщена снадобьями. А ведь многие целебные травы и порошки при смешивании превращаются в яд. Будешь и дальше пить все подряд — сам не заметишь, как в могилу сойдешь.

Сыюань опешил. «Укрепление»?

В памяти мгновенно всплыли чаши с дорогими отварами, которые законная мать, Ли Сянлань, заботливо присылала ему изо дня в день. На виске юноши набрякла и запульсировала синеватая вена.

— Только не вздумай яриться, — предостерегающе поднял палец старик. — Молодая кровь и без того горяча, а ты еще и дышишь этой дрянью. Зачем тебе этот проклятый фимиам?

Подавшегося вперед лекаря обдало едва уловимым ароматом, исходившим от одежды Сыюаня. Старик поморщился. Кожа у мальчишки была белой, но какой-то восковой, нездоровой. Разрез глаз — истинный цветок персика, да только в самом их омуте затаилась глухая, тяжелая мгла. Негоже юноше иметь столь мрачный взгляд. Ликом природа наградила щедро, а вот здоровьем обделила.

— Зови-ка лучше родителей, малец. Тебе я ничего объяснять не стану — все равно не поймешь.

"Что за чертовщина творится в доме премьер-министра? — мысленно ворчал старик. — Мальчишка вспыльчив как порох, и к гадалке не ходи — виной тому эта отравка".

Сыюань глубоко вздохнул, загоня раздражение поглубже, и обернулся к приятелю:

— Сяохэй, ты вроде хвастался, что у вас в усадьбе припасли сладкие северные груши? Принеси-ка парочку, горло промочить.

Ему совсем не хотелось, чтобы Цзян Сяо совал нос в тайны семьи Шэнь. Этот увалень слишком прямодушен — если проболтается, быть беде.

Цзян Сяо, который и так слушал их разговор вполуха, лишь обрадовался возможности услужить. Кивнув, он помчался за угощением, даже не догадываясь, что его просто выставили за дверь.

Как только тяжелые шаги Цзян Сяо затихли вдали, от напускной вежливости Сыюаня не осталось и следа. Он размашисто сел рядом со старым лекарем, бесцеремонно сцапал кувшин с вином и сделал два огромных глотка.

Крепкое спиртное обожгло горло, заставив юношу яростно закашляться. Этот жгучий вкус мгновенно воскресил в памяти воспоминания о собственной гибели. Вместо того чтобы притупить гнев, алкоголь лишь плеснул масла в огонь — внутри у Сыюаня забушевало настоящее пламя.

С глухим звоном глиняный кувшин полетел на землю, разлетаясь на сотни мелких осколков. Сыюань рухнул навзничь прямо на раскаленные плиты двора. Он раскинул руки и ноги, подставив лицо безжалостному, слепящему солнцу. Кожу пекло, тело горело, но где-то глубоко внутри его душа оставалась скованной ледяной стужей.

— А характер-то у тебя, погляжу, пороховой, — хмыкнул старый Чжан.

Внезапная вспышка ярости ничуть не испугала лекаря — напротив, именно такого поведения он и ожидал. С самого начала было ясно, что этот холеный барчук — волчонок с крутым нравом. Наивному Цзян Сяо с ним ни за что не совладать, Сыюань совет из него веревки при первом же удобном случае.

— Эй, старик, — не оборачиваясь, глухо спросил Сыюань. — Мой недуг излечим?

— А кто тебе сказал, что ты болен? — старый Чжан с сомнением покачал головой, разглядывая искажившееся лицо юноши. — Излечим... Как можно лечить то, чего нет?

— Я не болен? — Сыюань резко распахнул глаза. Неужели этот невыносимый характер — его собственное проклятие, данное от природы? — Моя болезнь — врожденная, она тянется с самого материнского чрева. Если ты даже этого разобрать не можешь, то какой из тебя, к чертям, великий лекарь?!

Старик лишь прищурился, пропустив колкость мимо ушей, и осторожно коснулся пальцами запястья Сыюаня, нащупывая пульс. Затем снова наклонился к его лицу и шумно втянул носом воздух.

— Есть в поднебесной одна редкая трава, кличут ее «шелком ласточкиного хвоста», — неторопливо заговорил старый Чжан. — Ее стебли источают тонкий, едва уловимый аромат, точь-в-точь как у дорогих пилюль пробуждения разума. Вот только если конь случайно сжует эту травку, он тотчас лишится покоя, станет диким и безумным. А ежели малая пичуга вроде ласточки отведаст ее семян — испустит дух на месте.

Лекарь прервался, сделал еще одно короткое движение носом, словно окончательно во всем удостоверился, и припечатал:

— Так вот, отрок... Дух, что исходит от твоей кожи, разит именно этой дрянью.

Сыюань нахмурился и поднес рукав к самому лицу. Сколько он ни принюхивался, ничего,

кроме едва уловимой свежести, не почуял. Он с недоверием уставился на старика.

— Когда живешь в угаре годами, нос привыкает и перестает замечать, — спокойно пояснил старый Чжан, угадав его мысли. — Но это не значит, что отравы на тебе нет.

— Хочешь сказать, меня травят? — процедил сквозь зубы Сьюань.

Впрочем, ответ ему и не требовался — в голове у юноши уже сложился пазл. О загадочной траве он слышал впервые, но вот благовоний и курильниц для «бодрости духа» Ли Сянлань в его покои натащила без счета.

Сьюань резко поднялся на ноги. Сгорая от желания немедленно проверить страшную догадку, он развернулся и зашагал прочь, даже не попрощавшись. Расспросы могли подождать, сейчас ему нужно было во что бы то ни стало отыскать источник этого проклятого запаха.

— погоди, я ведь этого не утверждал! — крикнул ему вслед старик. — Эй! Малец, куда тебя понесло?!

Но Сьюань уже не слушал лекаря, оставив того сокрушаться о прерванном на полуслове совете.

Юноша стремительно шел к воротам усадьбы Цзян. Перед его мысленным взором кружились обрывки воспоминаний: старинные диковины ушедших династий, изящные резные фигурки из ценных пород дерева, баснословно дорогая кровать из холодного нефрита... Все подарки мачехи объединяло одно — едва уловимый, манящий аромат.

Сладковатый, дурманный фимиам заставлял разум погружаться в приятную негу. Со временем запах будто бы улетучился, но именно тогда у Сьюаня и начались неконтролируемые приступы ярости. Когда это началось? В семь лет? В восемь? Или еще раньше, когда он был совсем несмышленным крохой?

Ли Сянлань!

Сяо Тан, успевший обегать под палящим солнцем половину поместья, уже совсем отчаялся найти хозяина и уныло плелся к главным воротам, намереваясь караулить там. Но Сьюань вырос перед ним сам — с налитыми кровью глазами, бледный и яростный, точно восставший из преисподней демон.

Слова застряли у слуги в горле. Он попятился, решив, что сейчас явно не лучшее время раскрывать рот.

Сыюань лишь мазнул по нему ледяным взглядом и, не сбавляя шага, направился напрямик к родному поместью премьер-министра.

Когда Цзян Сяо вернулся с охапкой спелых груш, Сыюаня и след простыл. Увидев осколки разбитого кувшина и сладко дремлющего под деревом старика, парень вознамерился тихонько шмыгнуть за ворота, чтобы догнать друга.

— А ну стоять, — не открывая глаз, пробормотал дедушка Чжан. — Тебе еще и шестнадцати нет, а уже к хмельному тянешься. Похоже, кое-кто давно хорошей порки не получал.

Цзян Сяо тоскливо вздохнул. До заветного шестнадцатилетия ему оставалось всего каких-то пара месяцев, но спорить с лекарем он не посмел.

Сыюань без помех вернулся в собственную усадьбу. Едва переступив порог спальни, он замер — удушливая волна накрыла его с головой. Раньше комната казалась ему совершенно обычной, теперь же от навязчивой, приторной сладости благовоний его едва не вывернуло наизнанку.

Не выдержав, юноша поспешно выскочил во двор и укрылся в тени раскидистого вяза, под которым обычно любил бездельничать Сяо Тан. Сам слуга вернулся едва ли четверть часа спустя, так и пыша злостью.

— Молодой господин! Я нашел этого грязного сплетника! Идемте, мы должны проучить эту тварь! — задыхаясь от негодования, Сяо Тан схватил хозяина за рукав.

Однако Сыюань лишь крепко сжал его ладонь в ответ. Из всех слуг именно Сяо Тан проводил в его покоях больше всего времени. И если яд медленно убивал хозяина, то верный слуга тоже не мог остаться невредимым.

— Сяо Тан... — негромко спросил Сыюань, заглядывая ему в глаза. — Скажи, у тебя в последнее время не щемило в груди? Словно внутри все клокочет от злости и вот-вот вырвется наружу?

Слуга опешил. Он невольно прижал руку к сердцу и прислушался к себе. А ведь и правда... в последнее время его то и дело душил беспричинный гнев.

По изменившемуся лицу слуги Сыюань понял все без слов. Яд действовал на обоих. Сяо Тан никогда не отличался кротким нравом, но теперь его вспыльчивость обрела логическое объяснение.

"Чрезмерное укрепление идет во вред", — крутились в голове слова лекаря. Сяо Тан не принимал целебные отвары, предназначенные для молодого господина, но он изо дня в день дышал отравленным воздухом в его покоях.

Выходит, преданный слуга вовсе не перенял дурные привычки господина — его разум точно так же планомерно разрушала коварная отравка.

— Молодой господин? — растеряннo позвал Сяо Тан.

Сыюань посмотрел на него и вдруг мягко, обезоруживающе улыбнулся — так, что у слуги на миг зарябило в глазах.

— Брат сейчас в поместье? — вкрадчиво поинтересовался Сыюань.

— Да...

— А матушка?

— Тоже у себя...

— Прекрасно. Что же, идем, побеседуем с этим любителем чужих тайн. Только помни: как выйдем за ворота двора, кричи как можно громче. Пусть все вокруг слышат, как сильно ты возмущен.

У Сяо Тана радостно блеснули глаза. Наконец-то молодой господин решил показать зубы и навести порядок! Давно пора!

Слуга послушно пристроился позади Сыюаня, и стоило им миновать порог усадьбы, как он во всю глотку принялся сыпать ругательствами, проклиная невидимого обидчика.

Шум мгновенно привлек внимание дворни. Заслышав яростные крики Сяо Тана, прислуга сразу смекнула: второй молодой господин идет вершить расправу над очередным бедолагой. На лицах некоторых слуг проступили злорадные ухмылки, и они поспешили незаметно скрыться в направлении покоев госпожи Ли Сянлань, чтобы поскорее доложить о бесчинствах.

Сыюань продолжал идти вперед с абсолютно невозмутимым видом, краем глаза подмечая каждого, кто высовывался из дверей и из-за углов. Убедившись в своих догадках, юноша хищно, завораживающе улыбнулся.

Его дорогая мачеха не жалела сил, чтобы о «подвигах» пасынка судачили на каждом углу. Какая поразительная, трогательная забота о его репутации...

«Что ж... Говорите, у меня несносный нрав и я безудержно калечу слуг?» — мысленно усмехнулся Сыюань, предвкушая скорую встречу.

<http://bllate.org/book/19456/2029466>